

Наталья РОМАНОВА

Дея
и

Тот Самый Один

Наталия Романова

Фея и Тот Самый Один

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852301

Фея и Тот Самый Один:

Аннотация

Лишь один-единственный человек может вылечить моего сына, но он живёт за тысячи километров от нашего нового дома. И я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы попасть к нему на приём.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	56
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Наталия Романова

Фея и Тот Самый Один

Глава 1

– Дорофея, Фея, дорогая моя, здравствуй! – услышала я в лифте, когда туда вплыл генеральный директор нашего предприятия по изготовлению радиоэлектронных компонентов, конденсаторов, резисторов, терморезисторов, микросхем и прочего, в чём я не слишком-то разбиралась.

– Здравствуйте, Антон Семёнович, – отчеканила я и широко улыбнулась, надеясь, что выгляжу достаточно дружелюбно.

И моё желание выцарапать глаза человеку, похожему как две капли воды на моего бывшего мужа не написано у меня на лице.

– Как ваши дела? – участливо спросило начальство и некогда родственник.

– Всё хорошо, – радостно растеклась я в улыбке, изображая крайнюю степень жизне- и человеколюбия.

У меня всегда всё отлично, на зависть всем чертям, так и передайте маменьке с папенькой и всему благородному семейству.

– Точно? Помощь не нужна? – всё тем же участливым до

тошноты тоном продолжил Антон Семёнович.

– Спасибо, всё хорошо, – повторила я, взмахнув ресницами.

– Если что, звони в любое время, мы с Верочкой всегда, ты же знаешь.

– Конечно, конечно! – оставалось только надеяться, что образ жизнерадостной болонки мне удался на славу, а не превратился в какого-нибудь бойцовского кане-корса или алабая, при упоминании имени Верочки.

– Ох, Дорофея, Фея, Фея, – снисходительно проговорил Антон Семёнович, покачивая головой, глядя на меня сверху вниз во всех смыслах.

– До свидания, Антон Семёнович! – выдала я, не успели двери лифта распахнуться и явить взору вестибюль первого этажа.

Выскочила и рванула в сторону проходной, чтобы сразу же свернуть за угол здания и очутиться на парковке для особо ценных сотрудников. Завести машину и влиться в автомобильный поток, превращающийся в пробку в семь уверенных баллов прямо на глазах.

Ну хорошо, я готова была признать, что Антон Семёнович, в бытность моего замужества, Антон – неплохой человек, даже хороший. В конце концов, он единственный, кто протянул мне руку помощи, в которой я ой как нуждалась.

Не побоялся пойти против всего семейства. Родителей, которые едва румбу не танцевали при новости о разводе

своего чадушки – брата-близнеца Антона по имени Родион. Проигнорировал гнев и самого Роди, исходившего на фекалии из-за того, что мне, которая и без того ободрала его как липку, смели помогать, и недовольство высокопоставленного тестя, которому Верочка все годы нашего с Родей брака напевала ужасы про богомерзкий мезальянс в благочестивом семействе.

Антон предложил мне работу на половину дня, когда я физически смогла позволить себе такую роскошь, в отделе маркетинга, тогда как в маркетинге я понимала чуть меньше, чем ничего совсем. Платил неплохую заработную плату и даже предоставил место на служебной парковке для моего изрядно подержанного, но бодрого кроссовера.

Но именно схожесть Антона с моим бывшим каждый раз вызывала во мне желание вцепиться ему в лицо, откусить ухо, например, или нос.

Ничего, ничего, постепенно я осваивала профессии, которые позволят работать онлайн, и больше не зависеть ни от кого из семейства Роди, чтоб все они провались, включая драгоценного дедулю-адмирала и бабулю-филолога-германиста!

С огромным трудом удалось протиснуться на парковочное место рядом с универсамом. Единственным в нашем районе, где можно было купить всё, от картофеля и выпечки до бураты и молодой спаржи.

Вкатила тележку в торговый зал, ловко лавируя между

праздношатающимися покупателями, в который раз удивляясь, что в таком-то микрорайоне магазин пользуется спросом. По идее местные жители должны обедать в ресторанах или хотя бы заказывать готовую еду на дом, во всяком случае, раньше мне так казалось, но нет.

Домохозяйки, обвешанные детьми, как новогодними гирляндами, набивали холодильники мраморной говядиной и рукколой, чтобы кормить домочадцев самым лучшим, а их платежеспособные спутники покупали элитный алкоголь, который здесь даже в отдельном шкафу не стоял, красовался на полках общего доступа, как в каком-нибудь магазинчике эконом-класса приснопамятное вино «Душа монаха».

Меня мраморная говядина не интересовала, потратить половину суточного бюджета на крошечный стейк я себе не позволяла, элитный алкоголь тоже не пила, даже не нюхала – всё это осталось в прошлой жизни, вместе с Родей.

Что имеем, не храним, потерявши плачем? Только я не плакала, я радовалась, что это одноклеточное отвалилось от меня, пусть и в настолько жутких обстоятельствах. Сейчас бы я точно не потянула ни мужа гадского, ни всё его придурочное семейство!

В молочном отделе быстро закинула в корзину несколько йогуртов, творог, молоко. В мясном положила филе индейки. Потопталась в кондитерском, всё-таки взяла три эклера, вздохнув. Да, нежелательно, но кто меня осудит?

Быстро расплатилась на кассе, закинула в пакет скромные

покупки, рванула к машине с той же скоростью, что неслась в универсам. Часы показывали, что я безбожно опаздывала, а это лишние расходы, которые я никак не могла себе позволить, эклеры ещё эти!

Впереди тащился седан представительского класса. Не ехал, а словно перешагивал на цыпочках лужи, оглядываясь в ужасе по сторонам. Хотелось выскочить, разбить окно и наорать на водителя. Что такого ужасного он видел, что еле-еле передвигался?

Элитный микрорайон, между прочим!

Да, кое-где красовался строительный мусор, потому что соседний дом не сдан. На куцем газоне, который вообще-то был облагорожен всего-то год назад, но строительство нового корпуса внесло коррективы в дизайн, примостилась стая бездомных собак с клипсами в ушах. Узкий проезд между домом и газоном был плотно заставлен дорогими машинами, которым место на последней выставке мирового автопрома, а не рядом с покосившейся будкой охраны.

Через четыре года здесь будет город-сад, если верить риэлторам, то через два года, три из которых уже прошли, но кто забивает голову такой ерундой, когда квадратный метр жилой площади в этом комплексе стоил раза в три дороже, чем в обычной новостройке.

Одним словом, не от чего шараться, и ползти с черепашей скоростью тоже необязательно. Гвоздь, железка, что угодно, конечно, могут проколоть колесо, но на такие случаи

в микрорайоне с комфортом расположилось несколько шиномонтажей.

Всё для удобства элитных проживающих. От кресс-салата до домкрата, как говорится.

Злилась, к слову, не я одна, сзади меня начали сигналить, некоторые, особо нетерпеливые открывали окна и орали что есть мочи, чтобы седан пошевеливался. Хвост тянулся уже машин на двадцать, а то и больше, седан же напрочь игнорировал возмущённую общественность. Гуру просветления и пофигизма какой-то.

Поскорей бы он свернул в свой подземный паркинг, благо поворот, рядом с будкой охранника, появился на горизонте.

Вот только седан проигнорировал поворот в подземный паркинг, где ему самое место, и пополз дальше, остановился возле одного из подъездов и плавно, сказала бы, грациозно, припарковался прямо на моём месте.

Не законном, нет. Места вне подземного паркинга делились по принципу «кто успел, тот съел», но негласно это место было моим, когда я успевала, конечно, его занять, приезжала вовремя, как сегодня. Приехала вовремя, а место заняли. Вероломно! Прямо на моих глазах.

Естественно, я нажала на тормоз, выскочила из машины, чтобы сообщить всё, что я думаю о седане и водителе.

– Простите, – уставился на меня водитель представительского автомобиля, не менее представительный, чем его машина, даже более.

Отпаренный, кажется, сверху до низу, включая английский воротник пальто и стрелки брюк, которые выглядывали из-под строгого кроя верхней одежды.

Высокий, мне пришлось задрать голову, несмотря на то, что каблуки в тот день на мне были выше обычных. Густые волосы с редкой проседью, будто минуту назад уложены в лучшем салоне. Достаточно молодое лицо для седых волос, на вид не старше сорока лет, и невозмутимый взгляд. Незамутнённый даже, будто владелец этого взгляда, пальто и автo упал с Марса прямиком в нашу элитную реальность, вот такую, какая есть.

С бездомными собаками, пробками и лошадиными ценами за подземный паркинг. Настолько конскими, что даже соседский Бентли предпочитал парковаться между детской площадкой и вазоном с клумбой, но не платить.

– Где-то указано, что это место ваше? Может быть, есть договор с управляющей компанией? – продолжил представительный мужчина.

– Чего? – уставилась я на говорящего. – Это место моё!

– На каком основании?

– На том, что оно мне нужно! – не покривила я душой.

Мне нужно это место, необходимо просто, кровь из носа, как надо. Обычно жильцы шли навстречу, часто с недовольным, перекошенным лицом, но всё-таки входили в моё положение, а этот не только не собирался это делать, он искренне не понимал, почему он должен уступать. Что за люди пошли!

– Прощу прощения, ничем не могу помочь, – невозмутимо ответил мужик, в моих глазах уже не очень-то привлекательный, так... гоблин какой-то в пальто, если не сказать грубее, и заглянул в собственный багажник.

– Девушка! – раздался за моей спиной громкий бас, больше похожий на раскат грома. Эх, сейчас бы какого-нибудь Громовержца, засадить пару молний прямо в задницу зажавшегося мужика представительского класса. – Девушка, вы всех задерживаете.

Посмотрела, вздохнула, действительно, я всех задерживала. Пока я пыталась доказать, что не верблюд, и место моё по праву, из машин образовалась очередь, и все они надеялись занять местечко внутри жилого комплекса, потому что в противном случае придётся искать место вдоль проспекта или вовсе ехать на пустырь.

Мне повезло, я нашла небольшое местечко через несколько машин от седана. Вообще, там всегда парковался огромный внедорожник, но в этот раз соседка неудачно расположилась, внедорожник бы не поместился, а моя машинка, выглядящая бедной родственницей по сравнению с остальными, встала в самый раз. Тютелька в тютельку вошла, как говорится.

В подъезде консьержка окинула меня недружелюбным взглядом, как бы давая понять, что всё-то она знает, понимает. Не по Сеньке шапка. Не для меня этот подъезд на восемь благоустроенных квартир, огромный вестибюль на пер-

вом этаже и стеклянные лифты.

У лифта стоял тот самый, представительского класса. В одной руке чемодан на колёсиках, в другой прозрачный полиэтиленовый пакет с кастрюлей, вокруг аромат голубцов на все восемь квартир. С ума сойти!

Не знаю, что меня больше поразило, что данный субъект оказался в моём подъезде, рядом с моим лифтом, то, что он бережно держал в руках пакет с кастрюлей в жизнерадостный красный горошек, или то, что на всю Ивановскую разило банальными донельзя голубцами. Вы можете себе представить, чтобы типчик с обложки журнала «Бизнес» ел голубцы? Я – нет.

– Прошу! – товарищ в пальто с английским воротником и голубцами галантно предложил мне войти в лифт, отодвинулся, дабы пропустить даму вперёд.

– Спасибо! – огрызнулась я, окинула самым уничижительным взглядом, на который только была способна, и отошла подальше от поедателя голубцов.

Тот лишь равнодушно пожал плечами и был таков, умчавшись в лифте. Я поднялась на свой третий этаж на соседнем.

В просторном холле воняло голубцами точно так же, как на первом этаже. На всякий случай я понюхала себя, вдруг успела провонять, пока рядом с любителем русской кухни стояла. Нет, от меня как всегда пахло духами, туманными рассветами и голубыми далями – всё, как полагается привлекательной девушке двадцати девяти лет от роду.

– Миша, я пришла! – крикнула я, заходя в двери квартиры.

– Ага, – услышала бодрый и довольный ответ. – А мы с Марией Петровной в Бродилку играем.

– Молодцы, – я заскочила в детскую, улыбаясь во все тридцать два зуба, несмотря на то, что традиционно уже сжалось сердце.

Прошёл целый год, я приноровилась к новой действительности, научилась с ней жить, но смириться так и не смогла. Каждый раз словно верила в чудо. Ждала, что Мишка встретит меня на своих двоих, бросится, как прежде, в объятия, и каждый раз натыкалась на новый атрибут нашей жизни – инвалидной кресло.

Натыкалась со всего маху, с разбегу, наотмашь, до жгучей боли, и заново, за доли секунды успевала пережить свой маленький, личный кошмар, только для того, чтобы широко и счастливо улыбаясь, дать понять сыну, что мир – отличное место для жизни.

Глава 2

– Леонид Борисович, дорогой мой человек! – пропел знакомый до мурашек женский голос.

Леонид пододвинул чемодан ближе, распахнул руки и с самой широкой улыбкой, на которую только был способен, проговорил:

– Лёка, звезда моя! Дай, что ли, обниму тебя!

– Йоху! – счастливо завизжала степенная дама, на вид от тридцати пяти до сорока пяти лет, а при нынешнем уровне косметологии и пятидесяти пяти, бросилась на шею Леониду.

Для этого Лёке пришлось не только встать на цыпочки, но и подпрыгнуть, Леониду же – привычно придержать крепкое, невысокое тело младшей сестры.

Всего-то год разницы. Они перестали замечать этот год, кажется, ещё до школы, тем более Лёка, будучи сообразительной девочкой-аккуратисткой, отправилась в первый класс вместе со старшим братом – редкостным раздолбаем, на которого в семилетнем с половиной возрасте высокопоставленные дедушка с бабушкой перестали возлагать огромные надежды. Лёка была тем, кто должен был оправдать фамилию, от Леонида же ждали единственного – не опозорить.

Родители у Леонида – попросту Лёвы или Лёни, в зависимости от степени близости – и Лёки естественно были. Не

менее успешные, и чуть менее высокопоставленные в силу возраста, однако, стремясь к карьерным высотам, занимать-ся воспитанием подрастающего поколения не спешили. Почётная миссия вырастить из Лёвы и Лёки таких же высокопоставленных и со всех сторон уважаемых граждан досталась бабушкам и дедушкам. С чем те справились, как и с воспитанием ещё двоих сыновей, рождённых через пять и семь лет после Лёки.

Итого, в семье их было четверо: Леонид, Ольга, она же Лёка, Валерий и Геннадий. Все выросли, выучились и продолжали достигать. Валерий с Геннадием трудились в той же области, что и Леонид. Собственно, ничего другого никто не ожидал, иначе быть просто-напросто не могло. Нонсенс – как сказала бы бабушка, по сей день живая, здоровая и при памяти.

Одины (с ударением на О) – семья потомственных врачей-терапевтов, род, идущий из глубины истории. Их пращур у самого Пирогова практиковался, впоследствии добился не меньших успехов. С тех пор не одно поколение Одиных лечило людей и достигло в этом немалых успехов.

– Прошу, – широким жестом Лёка показала в сторону стоящего рядом автомобиля.

– Твой? – Леонид оценил авто, что и говорить, вкус и деньги у сестрицы были.

Конечно, он и сам не промах, может себе позволить не меньшую роскошь, но как-то привык уже обходиться, не ри-

соваться доходами, вести скромную жизнь, приправленную мелкими мещанскими радостями.

– Твой! – объявила Лёка.

– Да ладно? – засмеялся Леонид. – Вообще-то, я и сам могу себе купить, – полушутливо заметил он.

– Вот когда купишь, тогда и поговорим, – тут же отвертелась сестра. – Знаю я тебя, в ближайшее время не то что машину, туалетную бумагу не купишь. Будешь круглосуточно торчать в этом царстве диссекторов и микроинструментов. Не успел прилететь, с вещами, – она выразительно посмотрела на чемодан у его ног, – уже на работу попёрся. Неужели один день не подождали бы?

– Я не привык нарушать обязательства, ты же знаешь, – покачал головой Леонид.

– В данном случае обязательства нарушила авиакомпания, – парировала Лёка. – И вообще, такой дурдом везде творится, вошли бы в положение, Земля не остановилась бы.

– Дурдом не должен касаться пациентов, – отрезал Леонид.

– Я словно папу слышу, – фыркнула Лёка. – Ладно, поехали, довезёшь меня до метро, а дальше сам.

По пути узнал основные новости, те, что упустил в последнее время. Про Валерку знал, даже видел его сегодня, счастливого застранца, правда, мельком, но парой слов перекинуться удалось. Был лично приглашён на свадьбу, не по телефону или интернету, а глядя глаза в глаза. Что ни гово-

ри, а приятно. Женился младший братец по большой и искренней любви с дочкой академика РАН, других девушек в кругу Одиных не встречалось. Куда ни глянь – чья-то дочка, внучка или сама кандидат наук, как минимум.

Геннадия Борисовича тоже видел – важный, как индюк, что в детстве ходил вразвалочку, что сейчас, глядя на окружающих сверху вниз с высоты коренастой, плотной фигуры, доставшейся от матери, такой же, как у Лёки. Леонид и Валерка ростом и телосложением пошли в отца – подтянутые, высокие.

А вот что разводится Генка, не слышал. Казалось, всё хорошо у него в семье было. Двое детей, погодки, жена работала рядом, семимильными шагами по карьерной лестнице двигалась, отпрыски по традиции бабушками с дедушками воспитывались.

– Ругались они постоянно, как кошка с собакой, – начала Лёка. – Он её на операции не ставил, говорил, что женщине в нейрохирургии не место, фактически вынудил специальность сменить, уйти в неврологию. Смежная, конечно, но не то, сам понимаешь.

– Правильно сделал... – нахмурился Леонид, внутренне одобряя брата.

– Я-то думала, тебя Германия отучила от шовинизма, а ты туда же, – беззлобно фыркнула Лёка.

– Врачи – шовинисты, – ответил Леонид. – Знаешь, сколько всего женщин-нейрохирургов в Германии? По последним

данным всего-то восемь процентов, и как ты понимаешь, никого на ведущих ролях. Нейрохирургия калечит души, говорят. Так что, наш шовинизм спасает вас, женщин, — он выразительно поднял вверх указательный палец. — И кто бы говорил, кстати. Сама бросила институт после лечебного со словами: не женское это дело.

— Потому что, Лёвушка, среди Одиных должен быть хотя бы один нормальный человек, со здоровой психикой и не покалеченной душой. Меня всё устраивает, — засмеялась сестрица.

— Тебя устраивает быть домохозяйкой? — Леонид приподнял бровь, зная ответ.

Лёку всё более чем устраивало. Все аргументы женщин семейства Одиных об обязательной самореализации и профессиональных амбициях отлетали от неё, как от стенки горох. В двадцать два года она вышла замуж за начинающего бизнесмена, занимающегося поставками медицинского оборудования, с тех пор занималась исключительно семьёй, детьми, кухней, и менять свой образ жизни не собиралась.

Было у сестры и небольшое занятие, как она говорила, «для души», где пригодилось её медицинское образование. Лёка занималась гиппотерапией с детьми с нарушениями центральной нервной системы, в основном с ДЦП, но были и детки после аварий, несчастных случаев. Финансировал проект, естественно, муж. Как он любил говорить, за солянку родной жены несколько коней содержать не проблема, а за

борщ и маму родную продать не грех.

— Как сказал Диоклетиан: «Если бы вы видели, какую я вырастил капусту...», — с улыбкой ответила Лёка. — Кстати, по поводу капусты. В багажнике голубцы, не забудь, пропадут. В твоей квартире я убралась, телефон клининговой компании оставила на столе, вдруг ты вспомнишь, что в доме время от времени кто-то должен мыть полы. На первое время купила чай, кофе, печенья, пельменей налепила, в общем, подножным кормом обеспечила. Недельку продержишься, думаю. Если что — звони. В субботу большой сбор в честь твоего приезда. Не забудь!

— Есть, мой капитан, — улыбнулся Леонид.

— Всё, я побежала, дальше ты сам. Дорогу найдёшь?

— Я знаком с навигатором, — засмеялся он в ответ.

Дорогу в свой новый дом Леонид нашёл. Честно говоря, ожидал чего-то другого от жилого комплекса, заявленного как «бизнес-класс». Несмотря на невысокую застройку, приятный глазу дизайн и удобное расположение домов, ощущение какого-то запустения, крайнего беспорядка не покидало, когда он смотрел на новое место жительства.

Жилой комплекс, сам по себе, несомненно тянул на пресловутый бизнес-класс, а вот территория вокруг скорее напоминала новостройки времён СССР, когда из-за грязи от строительной техники было ни пройти ни проехать.

«Наверняка позже облагородят», — подумал он, решив, что в целом не так уж важно, где жить.

Он купил эту квартиру не глядя, через риэлтора, на стадии котлована. Попросту вложил деньги в перспективную недвижимость во времена, когда жить и работать на родине не собирался.

Казалось, в Германии больше перспектив, возможностей, да и оплата прельщала. В общем-то, так оно и было до последнего времени. Начальство не лезло в его практику, давало простор для реализации, поддерживало эксперименты, порой рискованные, пока не случилось то, что случилось.

Мир перевернулся с ног на голову. А ему, специалисту с мировым именем, стали ставить палки в колёса, в основном указывая, каких пациентов брать, а каких – нет. Последнего Леонид стерпеть не мог, благо контракт подходил к концу. Он честно отработал несколько месяцев, и от продления, несмотря на сладкие перспективы на бумаге, отказался. К тому времени в родном городе всё было на мази, как говорится. Руководство клиники оторвало его с руками, головой и семейной фамилией.

С сегодняшнего дня Один Леонид Борисович – один из ведущих детских нейрохирургов не только конкретного исследовательского центра, а, пожалуй, всей страны.

Правда, первый рабочий день начался суматошно, никакого обстоятельного знакомства не получилось. Рейс задержали почти на сутки, в клинику Леонид явился прямо из аэропорта, с чемоданом в руках, и уже через несколько часов стоял у стола.

Пациент, мальчишка девяти лет, упал с высоты пятого этажа, выжил буквально чудом, спасли ветки деревьев, был доставлен напрямую в операционную к Одину, который, по утверждению Генки, сотворил чудо, а по убеждению Леонида просто сделал свою работу – единственное, что оставалось в его жизни всегда, при любых обстоятельствах нерушимым, ясным и понятным.

Предстояло заново привыкать к многомиллионному городу, новому коллективу, который поглядывал на «того самого Одина», как на божество, – в каждом поколении их семьи были обычные Одины и «Тот Самый», им повезло стать Леониду – и к новому месту жительства. После благоустроенной квартиры в приличном, вылизанном районе Франкфурта-на-Майне – к откровенно пугающему, вернее отталкивающему неустроенности пейзажу вокруг.

Радовало одно – оборудование на новом месте работы одно из лучших, не на пустом месте львиная доля квот на высокотехнологичную медицинскую помощь приходилась на их исследовательский центр.

И, пожалуй, немного, добавила позитива странная дамочка, набросившаяся на него из-за парковочного места. «Дамочка», конечно, грубовато звучит. Скорее девушка – эдакая попрыгунья-стрекоза с незамутнённым представлением о мироустройстве, где ей все должны, потому что она – это она. Как и полагается таким особам: блондинка, с пухлым, где-то порочным ртом, ресницами-опахалами, которые вы-

разительно моргали, когда крошка пыталась испепелить его взглядом и словами.

Девушка была чудо как хороша, глаз не оторвать, если откровенно. Леонид попытался быть галантным, пропустить в лифт первой, самому подняться на следующем, подождать не проблема, на четыре этажа и восемь квартир было два лифта. Та любезность не оценила, Леонид лишь недоуменно пожал плечами.

Встреть он эту особу в другом месте, несомненно попытался бы включить мужское очарование, если бы вспомнил, как оно работает, но в собственном доме – увольте.

Девушки подобного вида либо в содержаниях ходят, в глаза очередного папика преданно заглядывают, либо на самом деле являются великовозрастными дочками излишне заботливых папаш, которые вырастили принцесс, которым без исключения все обязаны.

Проблемы по соседству, что с первым вариантом, что со вторым, Леониду точно были не нужны, так что он предпочёл полюбоваться на красоту и забыть о её существовании, даже о нескладывающемся в единую картинку образе не думать. Дешёвенький кроссовер как-то слишком выделялся на фоне той же сумки в руках девушки – весьма дорогостоящего бренда.

Может, девушка занимается клинингом, а сумку подарила щедрая хозяйка? Точно, вместе с обувью и часами.

Глава 3

– Угадай кто?! – услышала я из-за двери радостный голос.

– Могла бы предупредить, – вместо «привет» ответила я Нике.

Ника, полное имя Вероника, оставалась моей единственной подругой. Остальные, из детства, колледжа, как-то сосались, стали воспоминаниями, а за время семейной жизни приобрести не случилось.

В общем-то, я не была уверена, что Ника искренне дружит со мной. Вполне вероятно, семейка бывшего мужа использовала её как источник информации о моём житье-бытье, вдруг надумаю подать в суд на драгоценного Родиончика или совершу другую крамолу. Только другой подруги у меня не было всё равно, так что, общения с Никой я не чуралась.

Тем более, она всегда была полна энтузиазма, позитива, прямо-таки источала хорошее настроение и веру в прекрасное будущее для всего человечества, включая меня и себя, конечно, в первую очередь.

– Ты не одна? – Ника наигранно взмахнула руками, давая понять, что в эту версию она не поверит ни за что, а значит, никаких преград для дружеской компании из двух прелестных девушек и не менее прелестного шампанского нет.

– С Мишей я, – улыбнулась я.

– Кстати, по поводу Миши. Михаил? – крикнула она,

грохнув бумажными пакетами с увесистым содержимым об пол.

Последнюю пару лет Ника поддерживала тренд заботы о природе, была озабочена разделением мусора и количеством пластика на нашей грешной планете.

– Привет, Ника!

В прихожую выкатился довольный Миша, я машинально потрепала его по светленькой макушке, не удержалась, чмокнула в щёку, на что сынишка недовольно поморщился. Такой маленький, а уже взрослый.

– Смотри, что тётя Ника тебе принесла, – она протянула две упаковки с играми для игровой приставки, которую она же и подарила – последней, самой навороченной модели.

– Он и так учиться не хочет, – вздохнула я, глядя, как счастливо Миша берёт подарки, разглядывает, как загорается азартом глазёнки.

Бог с ними, с плохими оценками! Плевать! Существует вещи поважнее, я точно это знала.

– Станет киберспортсменом, значит, – рассмеялась Ника, довольно улыбаясь.

Через десять минут, когда Миша, совершенно счастливый, отправился в свою комнату, мы с Никой устроились на просторной кухне. Я достала два фужера, вытащила скромные запасы фруктов и закусок, какие нашлись. Остальной банкет был накрыт стараниями Ники, как фокусник она доставала из экологически полезных пакетов деликатесы, о су-

ществовании которых я начинала забывать.

– Чем это пахнет? – уставилась на меня Ника. – Картошка? Жареная?

Я сразу же вспомнила достопочтенную бабушку своего бывшего, поджатые в узкую линию губы и шипение, что слово «картошка» – разговорная форма. Нормальные люди, не обделённые умом, образованием и воспитанием, говорят «картофель».

Мы с Никой были обделены первым, вторым и третьим, на этой почве и подружились, поэтому и общались до сих пор. Мне необходимо было хотя бы какое-то общение, помимо отдела маркетинга, где меня, мягко говоря, терпеть не могли за привилегированное положение, врачей и учителей сына, а Нике – время от времени произносить «картошка» без угрозы быть поставленной к стенке и расстрелянной претензиями, смешанными с презрением.

Ника – жена Мирона, старшего брата Родиона и Антона. Первое несмываемое пятно позора на геральдической карте благочестивого семейства. Вторым, куда более отвратительным, стала я.

Мама Ники служила участковым терапевтом в заштатной поликлинике провинциального сибирского городка, папа работал учителем ОБЖ, что немного сглаживало ситуацию. Всё-таки «родители врач и педагог» звучало вполне по-божески. Уточнять, что терапевт не дослужилась до высшей категории, а преподаватель и вовсе герой мемов, не обязательно.

Я похвастаться даже таким сомнительным, с точки зрения бывшей семейки, происхождением не могла. Своего отца я не знала, в свидетельстве о рождении, в графе «отец», был указан некто мифический с фамилией моей матери, рандомным именем и отчеством.

Более-менее отчётливо я помнила себя лет с четырёх, тогда я жила с бабушкой. Мама же всплывала в памяти смутным, неясным пятном, скорее ощущением, что это некто близкий, родной. Позже она пропала.

Перед первым классом бабушка умерла, меня забрала родная тётка – сестра мамы, вкупе с комнатой бабушки. Она же добилась через суд признания пропавшей без вести умершей, в основном для выплат, которые полагались. У тётки было два ребёнка и не было мужа, по слухам, в свидетельствах о рождении двоюродных братьев фигурировали точно такие же рандомные «отцы», как у меня.

Через полтора года тётке улыбнулась удача, нашёлся добрый человек, готовый жениться, но только с условием, что она и ему родит ребёнка. Я же в схему счастливой семьи не вписывалась. Три ребёнка – много, четвёртому, то есть мне – места не нашлось. Так я оказалась в детском доме.

Слышала, как нянечки шептались за моей спиной, что домашнюю, здоровую девочку, хорошенькую, голубоглазую, белокурую и кудрявую, обязательно заберут в семью, но никто меня так и не забрал. Скорей всего из-за того, что я сама не хотела. За недолгую жизнь меня бросила мама, потом

умерла бабушка, отказалась родная тётка, в то, что какая-то мифическая семья может приютить чужого ребёнка, когда бросают свои, поверить я не могла.

Естественно, в семь-восемь-девять лет я не могла сформулировать свои мысли, зато их здорово считывала вселенная, оставляя меня год за годом в оплоте стабильности – детском доме.

В восемнадцать лет, выйдя в никуда, я попыталась жить в комнате бабушки, которая располагалась в доме барачного типа с сортиром на улице. Мгновенно поняла, что не смогу жить там, где нет элементарных удобств, зато есть соседи-алкаши и тётка с тремя детьми без мужа – благоверный бросил несчастную через год после того, как меня отправили в детский дом. После тётка сменила, кажется, четверых сожителей, точнее я не знала, боюсь, она тоже.

Я рванула в крупный город, поступила в колледж учиться на парикмахера. Скиталась по общагам и комнатухам в коммуналках, не роптала, в этом жилье хотя бы был туалет. Без усталости работала, когда понимала, что заканчиваются силы, вспоминала, какое распрекрасное жильё и родня ждут меня на малой родине, тут же, как по волшебству, находила силы двигаться дальше.

С Родионом я познакомилась в ужасно пафосном и дорогом салоне, куда только-только устроилась на копеечную зарплату. Уцепилась за перспективу остаться после длительного испытательного срока. Клиентов мне не доверяли, в пер-

вое время я подносила кофе и хлопала ресницами, заодно поглядывая вокруг, мотая на ус.

Родион сразу пригласил меня в ресторан, приехал на дорогом автомобиле, подарил огромный букет, рассыпался в комплиментах и блистал эрудицией. Смотрел, правда, как на мальтийскую болонку, со смесью умиления и опасения, что нагадит мимо пелёнки, но всё равно я была сражена.

Бывший муж произвёл на меня оглушительный эффект, сомневаюсь, что кто-нибудь, когда-нибудь сможет поразить меня так же.

Провинциальная детдомовка, из внятных достоинств у которой имелось лишь милое личико и стройная фигурка, и прямо-таки наследный принц вместе. Ожившая сказка про Золушку!

Роман наш длился недолго, почти подходил к логическому завершению, когда болонка в моём лице не на шутку взбрыкнула. Категорически отказалась делать аборт, даже если в свидетельстве о рождении в графе «отец» будет указан рандомный набор фамилии, имени и отчества. Видимо, сказались гены. Традиция семьи, что поделаешь?!

Самое удивительное то, что Родион не только признал ребёнка, да, после пренатального ДНК теста, но ведь признал, но и сделал мне предложение, отправив в глубокий нокаут благочестивое семейство.

Мама заламывала руки, трижды до рождения Миши и нашей свадьбы с Родей попадала в клинику неврозов, потому

что решительно не могла перенести свалившегося на семью позора. Отец молча смотрел на сына, как на Раскольникова, прикончившего старуху-процентщицу, когда мог убить английского лорда, захватить сто миллиардов фунтов стерлингов и молодую любовницу в придачу. Бабуля традиционно шипела, дед-адмирал, как оказалось позже, действовал.

– Ты не должна это есть, – заявила Ника, уставившись на сковороду с картофелем. – У тебя славянский типаж, а значит, деформационный тип старения, твоя главная задача – не потолстеть, – села она на своего излюбленного конька, деловито достала тарелку, положила себе приличную порцию, демонстративно поставила на стол.

– У тебя, значит, другая задача? – усмехнулась я.

– А у меня мелкоморщинистый морфотип, – улыбнулась Ника, демонстрируя достижения современной стоматологии. – Развитие подкожно-жировой клетчатки пугает меня отптоза, – важно подняла указательный палец. – Слушай, а сала у тебя нет? С чесночком, – демонстративно закатила глаза и облизнулась.

– Ты собралась вот это, – я показала на шампанское, отнюдь не народной марки, – заедать жареной картошкой с салом с чесночком? Богохульница! – засмеялась я.

– Не издевайся! Дай хоть здесь по-человечески поесть.

– Тебе вилку давать, или ложку лучше? – засмеялась я во всё горло.

– Поварёшку давай, – пропела Ника.

Мы засмеялись в унисон, представив лицо бабули-лингвиста, которую несчастной «поварёшкой» можно было довести до икоты, а «вехоткой» или «гомонком», попросту молчалкой и кошельком, отправить в кому.

– Я не просто так, – разливая шампанское, заявила Ника. – С благой вестью. Родиончик объявил о помолвке с достойной Виталиной.

– Его здоровье, – ответила я под звон хрусталя.

– Свадьба планируется летом, в августе. Молодые уже присматривают совместное жильё. Представь только, Родиончик, наконец, решил съехать из родового гнезда.

– Не станет же Виталина жить со свёкрами, не для того мама ягодку растила, – нервно пожала я плечом.

Бывший муж, Виталина – любовница в бытность нашего брака, тем более их совместное имущество меня не волновало, были заботы важнее, но всё равно чувствительно царапнуло воспоминаниями.

Незадолго до нашей с Родей свадьбы выяснилось, что его квартиру пришлось продать – серьёзные финансовые затруднения побудили к столь сложному решению. После свадьбы мы поселились в загородном доме родителей, вместе с дедом-адмиралом и вечно шипящей бабкой. К тому же выяснилось, что у несчастного хронические проблемы с лёгкими. Он никак, совершенно никоим образом не мог жить в городе – выхлопные газы негативно сказываются на драгоценном здоровье Родички.

О совместном доме мы конечно мечтали, вернее, мечтала я, Родиону было хорошо в доме родителей, но средств категорически не хватало. Ведь дом его высочеству требовался не абы какой, а самый лучший, в том же посёлке, где живёт остальное семейство.

Единственное совместное жильё, которое мы в итоге приобрели – это квартира, в которой я теперь жила. Родион с большим трудом наскрёб на первый, самый минимальный взнос, и вносил платежи, пока не случилось то, что случилось.

Тогда-то квартира, вместе с немалым долгом, и перешла в мои цепкие, загребушие руки, потому что, как оказалось, из больницы Мишу нужно было везти в дом, хоть какой-нибудь, а не на вокзал, как наивно полагало самое благородное семейство из всех благородных семейств мира.

Больше ничего урвать прохиндейке и развратнице в моём лице не удалось. Дом принадлежал дедушке-адмиралу, единственная квартира, куда я потенциально могла прописать Мишу и остаться там, была срочно продана тестю Антона ещё до нашего брака с Родей, нешуточный бизнес переведён на Мирона, бабулю и родителей.

Сам же Родион оставался гол, как сокол. Всё это я узнала после нашего развода. Выходила замуж я пусть и не по самой огромной любви, но веря в свою счастливую судьбу, что девочке без рода и племени несказанно повезло. А что относится ко мне плохо – ничего страшного. В детском доме

тоже поначалу не единороги по радугам скакали, привыкла, прижилась, и к новой семье собиралась приспособиться.

Жила с мыслью, что всё равно мне повезло. Да, родственники смотрели, как на мадагаскарского таракана, муж раздражался от одного моего вида, зато у Миши было всё, что только может пожелать маленький мальчик. Как оказалось, кроме любви, поддержки, самого простого человеческого отношения. Сочувствия, наконец!

– Я машину твою не видела, продала? – спросила Ника, выливая остатки из первой бутылки.

– Да, купила взамен кроссовер, – назвала я марку, на что подруга закатила глаза. – Что? – искренне возмутилась я. – Шустрая машинка, багажник удобно открывается, кресло легко помещается, и парковочное место найти проще. Разницу в цене внесла за ипотеку, хоть шерсти клок, заплатила за реабилитацию Миши и отложила чуток, вдруг попадём к тому доктору в Германии...

– Всё-таки Родион – редкая тварь, – вздохнула Ника, открывая вторую бутылку. – Так поступить с собственной женой, ребёнком...

– Другим наука, – выразительно посмотрела я на Нику, на что та усмехнулась.

Понятно. Это я выходила замуж, закрыв глаза двумя руками. Ника Мирону симпатизировала, даже любила где-то глубоко в душе, но не настолько, чтобы заранее не разузнать, что с активами у жениха, какие перспективы. Половину иму-

щества в случае развода она не заберёт, не верится, что Мирон не постелил соломку, вступая в откровенный мезальянс с дочерью терапевта и учителя ОБЖ, но в долгах точно не окажется.

Некоторым при рождении даётся ум в придачу к мелкоморщинистому морфотипу, а некоторым славянский тип внешности и тотальный птоз мозга при вступлении в брак.

– Может, тебе квартиру продать? – предложила Ника. – Дорогая ведь, и платить, и жить, – посмотрела на меня с сочувствием.

– И что я получу? – горько улыбнулась я. – На эти копейки только комнату в коммуналке купить можно, а здесь удобно – инклюзивная среда, пандусы, площадки – всё оборудовано. В школу Мишку взяли, со скрипом, уговорами, но взяли же! Ему общение со сверстниками нужно, а не дома прозябать двадцать четыре на семь. Хочу ему нормальное детство, пока тяну, буду тащить.

– Ты смотри, если что-то нужно, сразу обращайся, – горячо обняла меня Ника. – Я своего хорошенько тряхану.

– Обязательно, – дежурно улыбнулась я.

Кто семейство Роди хорошенько тряханёт, тот три дня не проживёт, утонет в нечистотах. Пока Ника спускает деньги на сумочки, обувь и шампанское, смотрят, закрыв глаза, стоит направить в другое место, тем более на помощь неугодной, неблагодарной бывшей жене Родиончика – сразу начнётся другая песня, совсем не весёлая.

– Пошли, подымим? – шепнула я, оглядываясь, как ворюшка.

Сынишка не должен знать, что у мамы появилась настолько отвратительная привычка. Дымила я не сигареты, конечно, нет, до такого пока не опустилась, а вейп – электронные сигареты, только вред от них ничуть не меньше, может и больше.

– Уверена? – Ника с подозрением посмотрела на пожарную сигнализацию, когда мы вышли на лестничную клетку.

Вернее сказать, в нашем, элитном случае, холл или вестибюль с двумя панорамными окнами напротив дверей в лифты, и с деревьями в горшках, расписанных под цвет стен.

– Не выходить же на улицу, – засомневалась я. – Не могу надолго оставить Мишу...

– Ладно, – решительно кивнула Ника, отойдя подальше от потенциальной опасности. – Это же пар, а не дым.

Мы уселись на кресла из ротанга, которые неизвестно за какой надобностью, вместе со столом, стояли у окон. Я ими никогда не пользовалась, соседская квартира пустовала с момента, как мы с Мишей перебрались сюда.

В общем-то, ничего особенного не происходило. Мы продолжали попивать шампанское, заедали сыром, который принесла Ника, и он самым чудесным образом вписался в интерьер, какой-нибудь Пошехонский так бы не смотрелся, и дымили, вдыхая ароматные струи.

С каждой минутой настроение становилось лучше, пер-

спективы всё перспективней и перспективней, неприятности по-пластунски отползали в невиданные дали и в конце концов перестали маячить, пока не случилось это.

В одно мгновение заорала пожарная сигнализация, разнося по пространству ужасающие звуки. Завопил громкоговоритель, предупреждая об опасности, трижды моргнул свет и погас, чтобы через мгновение включиться снова, но уже вместе со световым сигналом. Сверху, можно сказать, с небес, как кара божия, хлынул поток воды, и в то же самое время открылись двери лифта, выпуская пассажира.

– Добрый вечер, девушки, – произнёс невозмутимый, промокающей под струями воды любитель голубцов, оглядывая последствия нашего пира.

Глава 4

Съездил на общий сбор, называется. Леонид опаздывал, что чрезвычайно нервировало. Родившись отменным разгильдяем, он усилием воли воспитал в себе педантичность, работа же в Германии усилила и приумножила это качество.

Застрявший ненадолго лифт вызвал, конечно, удивление, неужели невозможно поддерживать дом в исправном состоянии, ведь жильцы платили немалые деньги за предоставляемые удобства, а вот струи воды заставили удивиться сильно. Да что там – офонареть просто.

Картина была ясна с первого взгляда. Две девицы устроили банкет на лестничной клетке с распитием дорогущего шампанского и электронной дрянью, вошедшей последние годы в моду у молодёжи. Вот только глупенькими малолетками девицы не выглядели, несмотря на то, что одна была той самой дамочкой, из красного кроссовера, который никак не вписывался в окружающую среду, торчал, как маяк в пустыне, вызывая вопросы. Лет двадцать пять он навскидку этой блондинке дал бы точно. Не безмозглая школьница, впрочем, по поводу первого возникали серьёзные вопросы.

Полупьяное создание убирало сырые белокурые пряди от лица, наигранно хлопало ресницами и дула губы, словно это Леонид устроил потоп.

Хорошо, что вода отключилась почти сразу. Позже выяс-

нилось, что ничья квартира не пострадала, пожарной службе не пришлось нестись сквозь пробки из-за выходов ненормальных девиц, одна из которых чудо как хороша, вот только в глупости своей совсем не очаровательна.

Леонид терпеть не мог типаж под кодовым названием «прелесть, какая дурочка», обычная, среднестатистическая «дура» вызывала в разы большую симпатию, чем красивые женщины, считающие, что им всё должно сходить с рук по причине симпатичной мордашки.

Самое противное было то, что сошло с рук, ещё как сошло. Леонид лично сказал консьержке, что случившееся – ложная тревога. Та, естественно, передала информацию в управляющую компанию, кто-то должен был устранять следы потопа. И в шарагу, установившую пожарную сигнализацию, в итоге придут ремонтники, будут разбираться. Тогда как не помешало бы разобраться с этим чудом в... пижаме.

Или что это было на ней надето? В любом случае, неглиже из белых шёлковых то ли трусов, то ли шорт и майчонки – неподходящий наряд для того, чтобы устраивать междусобойчик в общественном месте.

Что и говорить, девица абсолютно ненормальная, чудесатая на всю голову, как говорится. Оставалась слабая надежда, что всё-таки не она соседка, а другая, та, что шатенка. Цвет волос давал небольшой шанс на то, что не настолько «прелесть, какая дурочка», хотя переизбыток последствий косметических процедур указывал на обратное.

Разбираться было некогда, Леонид опаздывал. Зашёл в квартиру, снял пальто, отмечая, что, похоже, придётся нести в химчистку, быстро отправился в душ. Перед глазами, как назло, стояло чудо-юдо в белом. Поправка, в промокшем белом, а это, как говорил незабвенный Абрам Наумович Фридман – учитель и друг, – две большие разницы.

Посмотрел на часы, отлично, опаздывал больше чем на час, теперь почти на два, встанет в пробку – приедет к шапочному разбору, а семья, тем временем, именно в его честь собралась. Не так часто Одины могли позволить себе подобную роскошь, непременно кто-нибудь был на дежурстве, конференции, вне города или страны. Сегодня – одно из редких исключений, когда все, в едином порыве отложили дела, примчались приветствовать долго отсутствующего родственника, и на тебе – родственник сам опаздывал на мероприятие в свою же честь. Дурдом!

Ещё и девица эта перед глазами стояла как вкопанная. Будто намертво прибили баннер с изображением белокурой.

Когда выходил из квартиры, от происшествия не осталось и следа, лишь уборщица домывала полы, и стоял стойкий сладкий запах, смесь вейпа и женских духов, последний вряд ли принадлежали той, что убиралась. Шлейфовый аромат, недешёвый. Снова вспомнилась дурочка, та, что прелесть. Запах подошёл бы идеально, она могла бы стать лицом этого парфюма – цветочного, яркого, с терпкой нотой.

Очень похоже, что продолжительное отсутствие женщины

сказывалось на Леониде не лучшим образом, поэтому приходила в голову откровенная ерунда.

До отъезда в Германию он перебивался непродолжительными, не слишком-то частными романами. Основные отношения у «того самого Одина» были с работой и только с работой. В Германии первое время было не до женщин, хотя тело требовало своё, потом перебивался откровенно случайными связями, без обязательств и планов. Что, честно говоря, нервировало. Леонид никогда не был любителем одноразового секса, ему всегда было мало одной ночи, казалось, самое вкусное и недодали.

И всё-таки он не мог представить себя рядом с особой в белом неглиже, сколь бы привлекательной она ни была.

Леонид никогда не был снобом. Он не родился с серебряной ложкой во рту, с детства ему прививали понимание того, что чтобы достичь чего-то в жизни, стать специалистом в любой области, да просто быть нормальным человеком, необходимо трудиться, трудиться и трудиться. Девушка же явно не имела представления ни о труде, ни о специальности, хоть какой-нибудь, и совершенно точно не была нормальным человеком. Он и она – разные стадии эволюции, честное слово.

И всё же хороша, чертовка!

Родные пенаты встретили запахом шашлыка, разносящимся по участку. Детство, самую лучшую его часть – каникулы, Леонид проводил в этом месте. Когда-то дед, доктор наук, профессор, получил участок от родной страны и

с трудом построил щитовой домик. Сейчас вместо небольшого домишки стоял фундаментальный, просторный, трёхэтажный дом с широкой застеклённой верандой с видом на небольшое озеро и оставшийся после разрастания посёлка лесной массив.

– Наконец-то! – подхватила мать, увидев родное чадушко, которое не видела больше двух лет.

Последний раз встречались, когда приезжала в Франкфурт-на-Майне на конференцию, заодно и к сыну заглянула.

– Прости, – Леонид горячо обнял мать. – Сложный пациент.

– Ничего, мы всё понимаем, – рядом появился довольный отец.

В их поколении именно он был «тем самый Одиным» – двигателем нейрохирургии, обладателем светлой головы и золотых рук.

Круг спешащих с приветствиями родственников рос на глазах. Леонид счастливо улыбался, действительно был доволен, как давненько не бывал. Приехали все, даже Генка забыл распри с женой, стояли рядом, как два голубка, радовались встрече в неформальной обстановке.

Естественно, внуки Одиных топтались рядом, те, кто помладше, разглядывали с любопытством новоявленного родственника, вряд ли они всерьёз ждали нового для них члена семьи, кто постарше, посмышлёней – с интересом расспрашивали о житье в Европе, примеряя на себя опыт, прикиды-

вая, стоит ли рисковать, или остаться здесь, в сплочённом клане, где каждый помогает каждому.

Валерий представил свою невесту. Приятная девушка оказалась, впрочем, ничего другого Леонид не ожидал. Образованная, умная, воспитанная, хороша собой. Внешне не в его вкусе, но не он же женится, а брат. Какого-то чёрта снова вспомнилась девица под струями пожарной сигнализации и запах духов, последний словно впитался в кожу, проник на подсознание. С трудом отмахнулся от навязчивого видения, не к месту сейчас. Всегда не к месту.

Главное – увидел оплот своего мироощущения, тех, кто воспитал его, привил всё, что знал, умел, благодаря кому стал тем, кем стал. Дедушку и бабушку, ещё крепких, в своём уме, памяти. Дед – Один Илья Львович до сих пор читал лекции, бабуля Мария Константиновна успешно осваивала новые технологии, вела просветительскую деятельность в интернете, охотно давала интервью и, естественно, не упускала возможности заняться воспитанием правнуков, которых родилось аж пять человек.

Все шумели, делились новостями, опытом, вскоре разговор под шашлык перетёк в острый, профессиональный спор, как бывало почти всегда. Спорили обо всём, тем более Геннадий и Валерий трудились бок о бок, тем хватало с избытком, как и самопровозглашённых третейских судей.

Не избежал подобной беседы и Леонид, несмотря на то, что, честно говоря, хотелось расслабиться, выдохнуть в кру-

гу семьи. Работа – это прекрасно, он по большому счёту только ею жил, не представлял, что можно иначе, но иногда чертовски хотелось отвлечься, забыться, не спорить о методиках и протоколах.

Хоккеем что ли заняться, как Валерка, или лучше плаванием – для спины полезно и не травмоопасно, в раздевалке спортклуба вряд ли встретишь любителя поговорить об эмболизации мальформаций, соустьей и фистул.

– Расскажи-ка мне подробней о своей методике, – подсел к нему дед, между делом ковыряя свежекопчёную рыбы – и плевать почтенному старцу на вред от канцерогенов. – Очень интересно, ты знаешь, я тут подумал...

Дальше началась небольшая конференция с выкладкой научных изысканий, тогда как Леониду смертельно хотелось абстрагироваться от всего, что касалось инновационного метода, над которым он работал несколько лет, достиг успеха, в итоге не хватило буквально пары лет, чтобы внедрить в постоянную практику. Скольким бы людям это улучшило качество жизни, некоторых буквально спасло, в самом прямом смысле. Политика – такая дрянь...

Не доработал, не смог, не успел. На родине неизвестно, будет ли возможность, оборудования именно такого, какое требовалось, не было точно и не предвиделось. Беседовать об этом, всё равно, что теревить незажившую рану. Больно!

– О, господи! – Лёка седьмым чувством ощутила, что брату нужна помощь. – Дедуль, вот как не вспомнить пошлый

анекдот про токаря на пляже? Дай человеку отдохнуть. Лучше спроси внука... о личной жизни, например. Когда он собирается жениться? Нет, он вообще собирается жениться, когда-нибудь, в теории?

– Жениться? – дед, вырванный из своего мира, уставился на Леонида с крайне удивлённым выражением лица, будто про личную жизнь спрашивали не половозрелого холостого мужчину, а слона на верёвочке в цирке. – И всё-таки я поговорю с одним человечком, – и он назвал имя своего ученика, ныне жирного чиновника от Министерства здравоохранения. – Пойду, – встал из-за стола и поспешил к Валерию.

– Так что? – Лёка упёрла подбородок в ладонь и с нескрываемым удовольствием посмотрела на брата.

– Что «что»? – не понял Леонид.

– Что у тебя с личной жизнью? Вдруг ты в ближайшее время собираешься жениться на симпатичной фройляйн, а мы не знаем, салатики не стругаем?

– В Германии тебя бы распяли за пренебрежительное отношение к женщине, никаких фройляйн, запомни, Лёка, только фрау.

– Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу, – засмеялась сестра. – Нашлась какая-нибудь фрау?

– Нет, – Леонид с улыбкой покачал головой.

– Может, на работе есть симпатичная сестричка? – продолжила забавляться Лёка. – Служебный роман с медсестрой папа не одобрит, Генка и вовсе на нечистоты изойдёт,

но тебе-то что? Ты у нас мужчина самостоятельный, на великое и могучее мнение семьи можешь положить фаллический прибор.

Ужасно захотелось ответить, прямо язык зачесался, что где-то рядом с его квартирой есть симпатичная блондинка, роман с которой не одобрит сам самостоятельный мужчина. Промолчал, ограничился замечанием, что полностью одобряет отца и Геннадия Борисовича в этом щепетильном вопросе. Незачем врачам крутить романы со средним медицинским персоналом, атмосфера в коллективе сразу идёт по одному месту, что неминуемо сказывается на качестве помощи пациентам.

– А знаешь что? – приободрилась Лёка. – У Насти сестра старшая не замужем, – назвала она имя невесты Валерия, – по слухам недавно рассталась. Умница и красавица, между прочим. Тридцать пять лет – прекрасный, фертильный возраст. Настя! – тут же крикнула в сторону стоящей невдалеке парочки.

– Настюша, – обратилась Лёка к подошедшей, пока Леонид откровенно забавлялся происходящем. – Маша сейчас свободна?

– В каком смысле? – Настя посмотрела на часы. – Через час выходит с работы, а что?

– В том смысле, она встречается сейчас с кем-нибудь? У нас жених нарисовался, – показным жестом Лёка указала на Леонида. – «Тот самый Один», если ты понимаешь, о чём я.

– О, – Настя внимательно посмотрела на Леонида, очевидно оценивая в новой для себя ипостаси. – Я поговорю с Машей, – засияла она, широко улыбнувшись.

– Не стоит, – Леониду пришлось остановить пышущую энтузиазмом девушку, знакомиться по знакомству он не горел желанием. В принципе не хотел впутывать в личную жизнь семью, как-нибудь сам справится, а нет – значит, нет. Умрёт холостым, вернее свободным. – Лёка неуместно шутит, – прибавил голосу строгости, будто говорил с одним из бестолковых ординаторов.

– Я не шучу! – пропела Лёка, недовольно зыркнув на брата. – Ты понимаешь, от чего отказываешься? Девушка занимается вирусологией, микробиологией, молекулярно-биологическими методами исследования. Настя, кстати, тоже.

– Рад за Настю и Машу, – с вежливой улыбкой проговорил Леонид. – Простите ещё раз, – посмотрел он на Валерину невесту. – Простите.

– Серьёзно, с твоим положением нужно что-то делать, – зашептала Лёка, когда Настя отошла от них. – Неприлично быть холостым в твоём возрасте, ты понимаешь это? В конце концов, воздержание пагубно влияет на мужское здоровье.

– Давай о своём здоровье, тем более мужском, я позабочусь сам, – отрубил Леонид.

– Ты позаботишься, конечно, – надулась Лёка. – Когда у тебя последний раз была женщина, а? Что ты сегодня ел на завтрак? Кого ты видишь, когда просыпаешься? Хоть кошку

себе заведи, что ли!

– Лёк, у меня на женщин нет времени, а ты кошку, – засмеялся Леонид. – Предложи ещё орхидеи на балконе выращивать.

– Помяни моё слово, умрёшь в одиночестве, в окружении кактусов, потому что никакая орхидея тебя не вынесет, – припечатала сестрица. – И ешь, давай, мяска подкладывай, на овощи налегай, наверняка всю неделю сосисками с гречкой питался!

– Иногда я ем рис или макароны, а в среду купил какой-то салат из фасоли, баклажанов и добавок, идентичных натуральным, – засмеялся он, якобы утешил.

Утром следующего дня, стоит отметить, долгожданного выходного, Леонид заподозрил, что в одиночестве ему умереть не дадут. Не было и десяти утра, самый сладкий сон, особенно после плотного ужина и бокала вина, когда квартиру прорезал пронзительный звук дверного звонка.

– Здравствуйте! – провозгласила вчерашняя зачинщица безобразия на их этаже, когда Леонид открыл дверь.

А он почему-то ни капли не сомневался, что именно особа, способная с удобством устроить пикничок в пижаме, являлась зачинщицей, хотя бы потому что... Потому что!

– Я – фея. Ваша соседка. Это вам – девица протянула коробку в сторону всё ещё сонного Леонида. – Торт! – пояснила она.

Глава 5

Леонид отступил от двери, пропуская... фею. Гостья же так и сказала: «Фея»? Он не ослышался? Фея с тортом, какая прелесть! И девушка прелесть, и ситуация.

Прошёл на кухню, показывая дорогу, краем глаза увидел своё отражение. Прекрасно, он ещё и торсом голым, оказывается, сверкает. Спросонок не заметил, хорошо хоть штаны пижамные на нём, а не трусы, а то и вовсе – без.

Впрочем, представить, что возможно не заметить отсутствие трусов, даже в столь экстравагантной ситуации, когда поутру является не кто-нибудь, а фея, Леонид не мог.

– Располагайтесь, – буркнул он, сам ретировался переодеваться, заодно умыться.

Домашние треники и футболка спасли положение, более формальный наряд Леонид посчитал неуместным, к тому же в планах было выставить незваную гостью как можно быстрее и лечь досыпать. Законный выходной, единственный, между прочим, имеет полное право валяться хоть целый день.

– Кофе? – спросил он сухо, зайдя на кухню.

Фея сидела на стуле, закинув ногу на ногу, и преспокойно осматривала интерьер. Леонид огляделся следом, как-то до сего момента не обращал внимания на то, что его окружало в собственном доме.

Функционально всё устраивало: электрочайник, индукционная плита, микроволновая печь, какая-то штука, типа духового шкафа, точнее Леонид не мог идентифицировать, посудомоечная машина, кофеварка – необходимый набор, из которого он пользовался плитой, микроволновкой и по утрам варил кофе.

Оказалось, на кухне у него сине-зелёная с бежевым мебель, насколько он вообще понимал в цветах. Вероятно, это какой-нибудь нефритовый, цвет кофе с молоком или слоновой кости. Надо бы спросить у Лёки, что ли.

Леонид смутно помнил, что выдачу ключей задерживали, тогда он уже жил в Германии, так что этот момент его несколько не раздражал, но застройщик в качестве компенсации предложил мебель от местного производителя, поклявшись, что качество не хуже европейского. Он выбрал едва ли не первый попавшийся гарнитур на кухню и в спальню. Матрац, помнится, покупала Лёка, она же заказывала стеллажи для многочисленной библиотеки, что-то из книг оставалось в городской квартире родителей, что-то должно вернуться из Германии. Далеко не всё возможно найти в интернете, если дело касается профессиональной литературы.

– Кхм, – услышал за своей спиной, одёрнул себя.

Действительно, странно выглядит, смотрит на собственный дом, будто первый раз видит.

– Кофе? – повторил он свой вопрос.

– Капучино, если можно, – фея оценивающе глянула на

кофемашину.

– Соевого или кокосового молока нет, только обычное, с лактозой, – предупредил он.

– Ничего страшного, – засияла гостья.

– Отлично, – буркнул Леонид.

Фея, интересно, почему именно фея? Когда-то давно, в пору молодости, женщин, как сейчас говорят, с низким уровнем социальной ответственности, называли феями, кажется, даже сайт был одноимённый. Всё-таки эскортница, пришла предложить услуги? Теперь вот так это происходит, прямо в лоб, с порога? Интересно, интересно...

Леонид брезговал подобного рода услугами, ему в принципе было неприятно, когда женщина рассматривается как сексуальный объект, даже если она сама себя так позиционировала. Он отлично знал, что нейроны, в целом центральная нервная система женского организма, не отличается от мужского. Отличия были, есть и будут, но индивидуальные, а не по половому признаку. Так с какого перепуга он должен смотреть на человека – существо разумное, тонко устроенное, – как на силиконовую вагину? В случае же с проститутками добавлялись знания из курса дерматовенерологии, что умножало влечение к подобным особям на ноль.

В раздумьях, как бы деликатней отделаться от неожиданного внимания со стороны феи, если абстрагироваться от ситуации, весьма красивой девушки, Леонид нарезал торт, поставил приборы на стол и сделал себе чай. Кофе проигнори-

ровал, несмотря на оглушительный запах, помнил про план проспать половину дня.

– Как вас зовут? – спросила гостья.

– Чаще Лёвой, – Леонид избежал полного имени, формализм показался неуместным.

– Вы художник, да? – пролепетала гостья.

Леонид непонимающе глянул на неё сквозь лучи утреннего солнца, льющие из окон. Волосы собраны наверх в нарочито небрежный пучок. Лёгкое шёлковое платье-пончо с V-образным вырезом и капелькой на тонюсенькой цепочке придавало флёр невинности облику. Настоящая фея, сказочная, того и гляди взмахнёт волшебной палочкой и испарится.

– Картины, – показала взглядом за спину Леонида.

На стене ровными рядами висели... хорошо, он был готов назвать сии картины произведения искусства по той простой причине, что вообще ничего не понимал в оном. Знания, что Ван Гог отрезал себе мочку уха, не в счёт. Наверняка Лёка постаралась, создала уют для брата, если абстракционизм в принципе способен на подобное. Любые, самые простенькие пейзажи Леонида порадовали бы больше, когда бы он их заметил, конечно.

На самом деле у Одина Леонида Борисовича была целая коллекция картин, он настолько ею дорожил, что привёз увесистую папку с собой, не доверил транспортной компании, тем более в текущей мировой ситуации. Рисунки его пациентов, мальчики и девочки рисовали красками или каранда-

шами, в некоторых угадывались предметы, иногда это были откровенные каляки-маляки, но каждое такое творение Леонид считал неимоверной ценностью – свидетельством, что не зря коптит небо.

Естественно, ничем подобным он с залётной феей делиться не собирался. Предпочитал помалкивать кем работает и где, привычка, вынесенная им ещё с детства. Бабушка, дедушка, родители, всё окружение при переезде никогда не говорили, что трудятся врачами, иначе начинался неиссякаемый поток страждущих с болячками, не относящимися к их специализациям, иногда несли кошек или вовсе хомяков с попугаями – ведь одно и то же.

– А, так, балуюсь, – ответил он неопределённо.

– Клёво! Всегда хотела уметь рисовать! – восторженно проговорила соседка, глянув на Леонида, как на бога.

Нет, к подобным взглядам он привык, даже устал, богом себя не считал, лишь крепким ремесленником, что в его деле во множество раз важнее. Бог – фортуна, вопрос удачи. Он не полагался на удачу, предпочитал на собственные силы, мастерство людей рядом, начиная с санитарок и медицинских сестёр, таких же профессионалов своего дела, как и он. Но чтобы средь бела дня, в его же доме, принимая за художника...

Купить что ли пару картин по номерам, раз противоположный пол это настолько будоражит? Вопрос, как не отнекивайся, острый, а близость женщины – привлекательной, с

виднеющейся в линии декольте, покачивающейся в такт дыханию грудью, с тонкими ключицами, запястьями, украшенными браслетами, с пухлым, манящим ртом, – уже не намекала, а прямо-таки требовала решения.

– Вы угощайтесь, – напомнил Леонид, показывая на торт.

– Спасибо, – ответила фея и поднесла ложку с бисквитом с кремом ко рту.

Леонид испытал неистовое желание встать под обливной ледяной душ, в идеале нырнуть в прорубь. Наверняка в районе Якутии ещё лежал снег, и реки покрыты толстым льдом. Издевательство какое-то!

Не поступиться ли собственными принципами? В конце концов большинство ИППП сейчас успешно лечится, спасибо фарме, а что не лечится, от того защищают презервативы. Опять же, спасибо технологиям. И об этом позаботились, родненькие.

– Я пришла сказать спасибо за вчерашнюю помощь. И извиниться, – пролепетала та, что одним своим присутствием довела Леонида до столь крамольных мыслей.

Переспать с проституткой, или кем она себя позиционировала. Эскортница? Девушка по вызову? Надо же додуматься!

Вот прямо здесь и переспать, на этом самом столе, со столешницей из мрамора цвета кофе с молоком, или это бежево-молочный? Да хоть серо-буро-малиновый в бусинку! Главное – переспать.

– Пожалуйста, – чуть хрипло ответил Леонид.

– Я правда не... не такая! – горячо воскликнула гостья.

Леонид отвёл взгляд, внезапно смутившись, как пацан. У него что, мысли на лице написаны? Непростительно, Леонид Борисович, непростительно, не маленький мальчик, пятый десяток на подходе. Тридцатисемилетие встретил в этом году, в Германии, тихо, без пышных празднеств, громких поздравлений, на рабочем месте. Выпил вечером пива, поговорил с семьёй и лёг спать.

– Но ведь вы фея? – решил поставить точки над і Леонид.

– Фея, – подтвердила фея.

«Тогда с какой радости «не такая»? Раздевайся, ложись», – захотелось ответить Леониду.

Естественно, промолчал, язык бы не повернулся. Да и не собирался он пользоваться услугами дамочки. Хотел, да, но на самом деле не собирался. Мало того, что можно подцепить что угодно, в любой комбинации, он слишком уважал себя, чтобы опускаться до подобного. Он не принц на белом коне, но предлагать за секс с собой деньги – увольте!

– Тогда почему фея? – Леонид продолжил разговор.

– Мама так решила, – пожала плечами гостья.

– Мама решила?! – не скрыл удивления Леонид.

С ума сойти. Одины решали, что каждый рождённый в семье ребёнок непременно должен стать врачом, в крайнем, самом крайнем случае, специалистом по иппотерапии, а у некоторых семейное дело – эскорт. Докатились, чёрт возьми!

– Ну, да. Дорофея – Фея.

Леонид едва не поперхнулся тортом, от неожиданности пролил кофе – дрогнула рука. У него, того самого Одина, дрогнула рука! Быть не может!

– То есть Фея – это имя? – переспросил он.

– Имя, – кивнула Фея. – А вы что подумали? – сощурила она глаза.

– Что вы, правда, фея, – нашёлся Леонид. – Зубная, например. Она мне с детства денег должна, за все молочные зубы, между прочим.

Он даже не лукавил, детям Одиных Зубные феи пяточки под подушку не клали. Зато подрастающее поколение твёрдо знало, что такое медиальные, боковые резцы, моляры и клыки. Смена зубов – ничто иное, как дифиодонтизм. Никакие феи за естественный процесс монетку не принесут. Хочешь монет – многолетний труд тебе в помощь.

Фея засмеялась, Леонид же невольно засмотрелся на красивый поворот головы, раскрытый в журчащем смехе рот, ровные зубы... вот, снова!

– Чем же вы занимаетесь, раз не Зубная фея?

– Маркетингом, – после незначительной паузы ответила Фея, словно не была уверена в том, чем занимается.

Впрочем, это вполне могла быть официальная версия, для общественности, Леонид по-прежнему ничего не знал о сидящей напротив привлекательной девушке.

Узнать хотелось, ещё как хотелось. Не умрёт он от про-

блем, которые свалятся на голову из-за интрижки с соседкой. На вид Фея совершеннолетняя, остальное – неважно. Муж, естественно, проблема, только не похоже, что у неё есть муж или близкий мужчина, иначе он, а не Леонид решал бы проблему с пожарной сигнализацией, и машина, учитывая стоимость жилья, была бы лучше.

– Фея, чем вы сегодня занимаетесь? Давайте сходим куда-нибудь вечером, правда, я давно не был в городе, не знаю, какие заведения сейчас актуальны, предлагаю на ваш вкус. И за мой счёт, естественно, – добавил он, будто девушкам типа Феи стоит уточнять подобный нюанс.

– О? – Фея посмотрела внимательно на Леонида.

Он невольно подтянулся, даже живот втянул, несмотря на то, что с прессом и вообще физической формой у него было всё отлично. Спорт, как обязательная составляющая жизни, иначе бы загнулся с таким-то графиком.

– Я не могу... простите, – прошептала она, смущаясь.

– Не стоит смущаться, Фея, – спокойно ответил Леонид. – Я взрослый мальчик, не умру от отказа.

Глава 6

Последнюю неделю я чувствовала себя белкой в колесе, ужаленной в мягкое место. Всегда себя так ощущала с тех пор, как случилось то, что случилось, но последняя неделя оказалась каким-то адом.

В понедельник учительница сына, от которой он был в восторге, вызвала меня в школу. Запинаясь, она сказала, что с этого дня у детей физкультура на улице, на стадионе в парке. И всё бы ничего, но проехать туда ребёнку-колясочнику сложно из-за весенней грязи – парк не просох, значит, кто-то должен помогать Мише. Кто-то – это я, кто же ещё.

Школа самая обыкновенная, младшие классы находились на первом этаже, тьюторы не предусмотрены. Одна учительница на тридцать с лишним человек, а она хоть и любимица всего класса, не волшебница.

Первое время я сидела под дверью класса, в рекреации, готовая в любой момент прийти на помощь сынишке, но длилось это недолго. Быстро стало понятно, что Миша отлично вписался в коллектив, никто его не дразнил, не задавал обидных вопросов, коляска вызывала интерес и даже некоторый ажиотаж среди малышни. В который раз вознесла хвалу богу, что жила именно в этом районе.

Помимо элитных комплексов здесь стояли дома бизнес-класса, большинство детей из нашей школы были имен-

но оттуда, и вопреки ожиданиям и стереотипам, детки подобрались неагрессивные, по-хорошему любопытные, мотивированные на учёбу. С ужасом я вспоминала своё детство, в котором мои друзья-приятели были обделены не столько финансовыми благами, сколько вниманием, любовью, теплом, что и вываливали на окружающих отвратительным поведением, злостью, драками. Бедность чувствовалась остро, но вкупе с чувством брошенности, ненужности, выливалась в гремучий коктейль злости ко всем и вся.

Почти сразу учительница сказала, что моё присутствие не обязательно, сейчас же оказалось – три раза в неделю нужно присутствовать на уроках физкультуры.

– Это временно, – извиняясь, говорила учительница, я соглашалась.

Пришлось идти на поклон к Антону Семёновичу, смотреть в лицо бывшего мужа, раболепно улыбаться, заламывать руки и просить, просить, просить.

– Никаких проблем, Дорофея, – сладко улыбнулся Антон, вызывая неприятную дрожь во всём организме, от затылка до пяток, включая внутренние органы. – Лично позвоню Андрею, – назвал он имя моего непосредственного руководителя.

– Спасибо! – горячо закивала я, смотря преданно в глаза, помня, что я – мальтийская болонка, никаких клыков и рычания. Алабая придержим для Роды.

– Не за что, помни, если что, мы с Верочкой...

– Да, конечно, спасибо, Антон Семёнович! – пропела я, уже просачиваясь в дверь.

Верочка, меня трясло только от упоминания имени «Вера», даже если речь шла не о жене Антона. Тот факт, что она подруга Виталины, меня нисколько не волновал, теперь уже не волновал, будет сказать правильней, а вот последняя встреча с Верой по сей день стояла перед глазами.

В один далеко не прекрасный день я поняла, что у меня нет денег. Просто – нет. Совсем. Миша лежал в больнице, ему постоянно что-то требовалось, начиная с влажных салфеток и памперсов, заканчивая лекарствами, которые порой стоили, как крыло самолёта.

Родион, конечно, выделял от щедрот, только этого катастрофически не хватало. Я честно пыталась экономить на себе, чаще на еде, от остального пришлось отказаться раньше. Дошло до того, что я начала потихонечку продавать вещи через сайты объявлений, чтобы покупать Мише самое необходимо, подкармливали же меня соседки по палате, такие же несчастные матери, как я. У них были родители, некоторых даже не бросили мужа, что было редкостью.

Я решила, что нужно что-то делать, искать работу, совместимую с болезнью сына, почасовую, ночную, какую угодно. Должность нашлась скоро – курьер. А на что я могла рассчитывать с образованием «колледж и коридор», забыв, как держать ножницы?

Не гордая, решила я. Ноги, руки есть – курьер из меня

выйдет отличный. Работала не целый день, в это время за Мишей присматривали санитарки и сердобольные соседки по палате, хорошо, что проблем он не создавал. Мой крошечный малыш понимал, в какое положение мы попали, поэтому из всех силёнок терпел боль, неудобства, не хныкал, не плакал, не капризничал, просил о помощи в самых безвыходных для него ситуациях, например, проблемы с туалетом у нас решились далеко не сразу.

Получив очередной заказ, ничего не заподозрила. Бизнес центр, комната номер такой-то, ничего неожиданного. Вот только дверь мне открыла Вера, сначала хмуро посмотрела на меня, в глазах мелькнуло узнавание, а после на её лице расплылась самая гадкая, ехидная улыбочка, какая только может существовать в природе.

– Ты ли это, Дорофея? – пропела эта дрянь, поправляя рыжую прядь волос, которую вырвать бы с корнем и скормить псам.

– Я, – спокойно ответила, задрав нос. – Моему сыну надо что-то есть, представь себе, так что, да, это – я.

– Наконец-то ты на своём месте, отребье, – процедила Вера. – Именно там, где и должна быть.

– Заказ забирать будете?

– На чаевые не надейся, – прошипела та в ответ. – Нужно было думать, когда рожала, теперь носи свою сумку и не ной, что «ребёнку нужно что-то есть».

Вера сунула мне в руки деньги, демонстративно отсчитав

мелочь до самой последней копейки, причём эту мелочь собирали всем офисом, не водится у подобных людей монеты жменями, посмеиваясь, а то и откровенно гогоча. Попробуй не поддержи Веру – уволит сразу.

Последнее, что я слышала, уходя по коридору, это визг бывшей родственницы:

– Антон, ты не поверишь, что сейчас произошло! Расскажу, обоссешься от смеха!

И гомерический смех мне в спину, по-настоящему издевательский.

Не знаю, обоссался ли Антон, но на следующий день он появился в больнице, приволок пакет фруктов и сладостей Мише, немного поговорил с племянником, который заметно не хотел общаться с дядей, и вытащил меня в коридор.

– Дорофея, Фея, Фея, – растянул он губы в слащавой улыбке, традиционно посмотрев на меня сверху вниз. – Почему ты не сказала, что у тебя всё настолько плохо?

– А как у меня должно быть? – уставилась я на Антона, внутренне содрогаясь от того, насколько же он похож на Родиона. – Ты видел, в каком состоянии Миша? То, что даёт его папаша, не хватает и на половину расходов! В нашей стране, оказывается, медицина бесплатная, а всё, что требуется инвалиду, предоставляет государство! – повторила я слова Родиона, за которые едва не убила его.

На полном серьёзе, если бы в тот момент рядом со мной находилось какое-нибудь потенциальное оружие убийства,

что угодно, я бы пополнила криминальную статистику.

– Не кипятись, – остановил меня Антон. – Я с деловым предложением.

Естественно, я послала его далеко и надолго с этим самым предложением. Во-первых, от одной мысли зависеть хотя бы от одного человека этой семейки становилось тошно, во-вторых, какой из меня маркетолог, я с трудом представляла, что это слово значит.

– Не горячись, надумаешь – звони.

Через день я надумала, позвонила, с тех пор изображала мальтийскую болонку в присутствии Антона, а что делать? Что?

Ещё на этой неделе мы с Мишей начали проходить МСЭ¹, а для этого, как известно, нужно обладать недюжинным здоровьем, стальной нервной системой и морем свободного времени.

Поэтому я носилась как ошпаренная, пытаюсь успеть одновременно везде, даже почувствовала благодарность к Антону, который закрывал глаза на совершенно бесполезного работника в моём лице. Действительно, несправедливо, что к единственному человеку, который реально помогал, я отнеслась с неприязнью. Но он был членом своей семьи, обладал одинаковой внешностью с Родей, а только один этот факт тянуло на расстрельную статью.

¹ МСЭ (медико-социальная экспертиза) – определение в установленном порядке потребностей освидетельствуемого лица в мерах социальной защиты

Примчавшись в положенное время, едва не опоздав, яглянула на себя в зеркало в холле дома. Что ж, недурно. Волосы уложены, макияж нанесён, духи чувствуются. Очень часто я хотела выйти из дома растрёпанной, иногда не хотелось даже чистить зубы, не то что вспоминать каждое утро про скульптурирование лица, но позволить себе не могла.

Внешность мамы – часть мира моего сына. Он не видел меня другой, я всегда наряжалась и сияла, как фейерверк, ведь мир – отличное место для жизни.

Поймала в зеркале заинтересованный взгляд соседа с четвёртого этажа, ответила самой милой улыбкой, на которую только была способна. Мужчина, правда, был глубоко и многодетно женат и прямо сейчас вёл выгуливать пекинеса, который задорно похрюкивал, но разве это причина не улыбнуться в ответ. Переходить к флирту ни он, ни тем более я, не собирались.

Я не хотела ставить крест на женской судьбе, но понимала, что иначе не получится, пока Миша настолько нуждается во мне. Попросту не могла впустить в наш тесный мирок постороннего мужчину. В то, что гипотетический некто станет относиться к моему особенному ребёнку как к родному, я поверить не могла.

На моей памяти не случалось ничего подобного. В детском доме каждый первый ребёнок был брошен отцом, матери появлялись время от времени, некоторые даже забирали детей, но случаев, чтобы отцы интересовались судьбой чада,

припомнить я не могла.

Усыновители? Да, были, только у меня были серьёзные сомнения, что дети были им нужны, скорее шли навстречу жёнам. О чём вообще говорить, если родные отцы бросают?

Оставались случайные связи... только, помилуйте, даже на самую случайную, пятиминутную связь нужно время, а это самый ценный ресурс. Времени у меня не было. Совсем.

Да и не хотела я ничего случайного, просто понимала, что другого не дано. Например, новый сосед, художник... Разве можно согласиться на что-то временное, поверхностное с таким мужчиной?

Я не знала, может быть у него отвратительный характер, он зануда или неряха, но внешне он выглядел, как огромный, шикарный приз для любой женщины. Этот торс... с ума сойти, я не видела ничего подобного. Накачанный, но без жутковатой скульптурности сумасшедших бодибилдеров, когда кажется, что от прикосновения мужик или сдуетя, или из него потечёт глицерин, с растительностью, которая убегала блудливой дорожкой от груди к резинке пижамных штанов, а там... там... в общем, тонкий трикотаж отлично демонстрировал то, что на дворе утро, придавленное трусами.

И вот такой экземпляр, художник, что для меня звучало по-особенному волшебно, почему-то я всегда восхищалась людьми искусства, наверное, потому, что сама родилась совершенно бесталанной во всех областях, пригласил меня на свидание, а я взяла и отказала.

Вынуждено. У меня уроки физкультуры, комиссия для комиссии и ещё три комиссии сверху, но отказала же. Сама!

Видимо, провальная личная жизнь у женщин нашего рода в крови. Записано в родовой программе, карма. Не помнила ни одной счастливой женщины у нас. Бабушка развелась, мама родила меня без мужа, без вести пропала, тётке тоже не повезло. Скажу больше, за всю свою жизнь я не встречала ни одной счастливой женщины. Ни одной!

В благочестивом семействе Родиона по шкафам были спрятаны такие скелеты, что моя тётя со всей неустроенностью казалась счастливницей. В больнице, где провела много времени и по сей день поддерживала общение с некоторыми мамочками, я видела загнанных, усталых женщин, большинство из которых бросили мужья, когда узнавали, что болезнь ребёнка не на неделю, месяц или год, а надолго, иногда навсегда.

Год назад я считалась любимницей фортуны, выхватившей выигрышный лотерейный билет. Я и сама в это верила несколько лет после свадьбы, пока не узнала, что никакого, самого завалящего билета у меня нет, еду зайцем, а всё счастье доставалось любовнице мужа – Виталине. Со всех сторон подходящей партии для Роди.

Какое-то время Родя, как честный муж и порядочный человек, скрывал от меня эту порочащую связь, потом пытался скрыть от семейства, дабы сохранить честь возлюбленной, не мою, естественно, когда же семья всё-таки узнала, невоз-

можно преувеличить их счастье от понимания, что сын, внук и брат одумался.

Ещё несколько лет я жила на правах приживалки, отчаянно пытаюсь сохранить то, что кто-то неосторожно назвал семьёй, и только сейчас начала принимать, что ничего похожего на семью мне попросту не дожидаться. Карма рода, что поделаешь.

Услышала шаги за спиной, кто-то встал рядом, покосилась. Сосед. Лёва. Интересно, Лёва – это от полного имени Лев?

Лёва остановился не один в ожидании лифта. Рядом стояла девушка, молодая и очень хорошенькая, несмотря на мешковатый спортивный костюм и поясную сумку. Подростковый наряд, минимум неуместный для свидания. Хотя... мне ли рассуждать, с моей-то родовой программой, в чём ходят на свидания.

Наверняка под этим плотным трикотажем надето шикарное нижнее бельё, потому что прийти к такому мужчине в скромненьком трикотаже откровенно грешно.

Лифт приехал, мы зашли втроём, я нажала на кнопку, изучая невероятно интересный орнамент на полу. Сплошной серый, загляденье.

– Добрый вечер, Фея, – произнёс сосед, художник и Лев.

– Добрый, – кивнула я, лучезарно улыбнувшись.

Для грусти причин не было, а если и была, стояла рядом в спортивном костюме, поправляя длинные русые волосы, не

тронутые краской, то это совершенно не должно мне мешать сиять, как самый огромный фейерверк. И не мешало, к слову.

– Добрый вечер, – спутница Льва решила быть вежливой.

– Добрый, – ответила я, улыбаясь ещё шире.

Глава 7

Стоило труда держать лицо в течение всего дня, сегодня это было особенно сложно. День, когда жизнь Миши перевернулась с ног на голову, вернее сказать, отняла у него ноги.

Нет, физически ноги у него остались, но ходить, а тем более бегать, он больше не мог. И это в какие-то шесть лет! Почему, почему это случилось именно с моим мальчиком? Если бы была возможность, я бы забрала все его печали и недуги, сама бы села в это грёбанное кресло, умерла бы, лишь бы Миша был здоров. Жизнь не спросила, у неё оказались другие планы.

– Спокойной ночи, мамочка, – полусонно пробормотал Миша, довольно вздохнул и почти сразу уснул.

Какое счастье, что он или не помнил дату, изменившую его жизнь, или попросту забыл, отвлёкшись на мальчишеские интересы и школьные проблемы.

Я отложила в сторону книгу со сказками, выключила ночник и тихонечко вышла из комнаты. Сказка на ночь, то единственное, что позволял себе мой мальчик из детских привычек, это было его крошечной тайной. Он считал, что уже достаточно взрослый для нежностей, чтения волшебных историй и веры в чудеса, что не удивительно, учитывая, сколько ему пришлось пройти.

Ужасно хотелось плакать, реветь хотелось, выть во весь

голос. Зажимая рот, я сползла по стене на пол и мелко затряслась, глотая обжигающие слёзы. Как же плохо, как несправедливо. Почему? За что?!

Взгляд уткнулся в инвалидное кресло в прихожей. Специализированное, с электроприводом, для улицы, со специальными колёсами. Раньше я понятия не имела, что кресла-каталки бывают разные. Представляете? То, что стояло в прихожей, было настоящим чудом техники, которое досталось нам от благотворительного фонда точно таким же чудом.

Больше мы от благотворителей ничего не получали, что понятно. Мы с Мишей жили в отличных условиях, у меня была работа, автомобиль, основные нужды я перекрывала, пусть иногда с огромнейшим трудом, поэтому то, что нам досталось чудесное средство передвижения, было огромной удачей.

А ведь всего-то год назад мы находились на выездных соревнованиях по футболу команды, в которой играл Миша. Огромных результатов он не показывал, надеждой родного футбола не являлся, но сынишке нравилась секция, тренер, друзья. Он был в восторге от всего, что происходило – тренировок, игр, сборов, шумных, весёлых приятелей, всего, – и это было более чем достаточно для того, чтобы и я была тоже счастлива.

Выезжали в соседний город на автобусе. Я сопровождала команду в числе нескольких мам, возглавляющих родительский комитет. Мише было важно, чтобы на игре присутство-

вал отец, который не слишком-то интересовался жизнью и успехами собственного ребёнка. Ведь это была первая выездная игра, и его должны были выпустить на поле, тренер обещал.

Откровенно говоря, Родиону было плевать с высокой колокольни на Мишу, он едва замечал его существование, только если тот с детской настойчивостью лез в глаза, или я тратила слишком большие суммы на нужды сына.

Родя отнекивался как мог, придумывал причины, по которым он никак, никоим образом не может приехать поддержать Мишу. Я же с упорством носорога настаивала на том, что он должен поехать. Обязан просто. Если бы я знала, если бы только могла предвидеть...

В итоге игра прошла великолепно, наши мальчишки выиграли, радовались искренне, от всей души. Соперники же, точно так же, искренне и от всей души расстраивались, некоторые срывались в слёзы. В итоге соперники оказались в одном детском кафе, где завязалась дружеская беседа за поеданием пиццы с вредной, но ужасно вкусной газировкой.

Родя, вопреки ожиданиям, на игру приехал. С кислой миной честно сидел на трибуне, глядя на поле. Уверена, он не видел, который из двадцати двух мальчишек его сын, форму, в которой тот играет, не помнил. Миша же старался изо всех сил, хотел порадовать отца, чтобы тот им гордился, любил его, понял, что он не настырная тень, требующая внимания, а человек шести лет от роду.

При выходе со стадиона я повисла на Роде, прося, чтобы он дождался, когда мальчишки выйдут из раздевалки, поздравил Мишу с первой в его жизни победой на выездном матче, ведь это так важно для него. Он мне все уши прожужжал тем, как ждёт папу, волнуется, понравится ли ему игра, поэтому тот просто не имеет право взять и молча уехать.

– Дома поздравлю, – отбивался Родя, поглядывая в телефон.

Я упорно делала вид, что не замечаю, куда он смотрит и по какой причине. Была пятница, день встречи с ненаглядной Виталиной, пропустить которую Родя не мог. Какой ребёнок, детские забавы, выездные игры, когда ждёт драгоценная, подходящая по всем параметрам женщина, готовая на что угодно, лишь бы заполучить ценный приз в лице отпрыска благородного семейства.

– Пару минут подождать ты можешь? – уставилась я на Родиона, искренне не понимая, что я когда-то в нём нашла.

Уродом он, конечно, не был, но и красавцем тоже. Среднего роста, не кося сажень в плечах, волосы русые с начинающими проглядывать залысинами по бокам, серыми, какими-то невыразительным глазами и узким ртом. В целом – приятный мужчина, пусть не со сногшибательной харизмой, за последнее отвечали часы за сумму, представляющую бюджет какого-нибудь загнивающего государства, но если отбросить мишуру – совершенно никакой. Никакущий! Такой совершит преступление, попадётся на глаза, а фоторо-

бот составить не смогут.

Главное же – гадкая ухмылка, которая не сходила с губ, когда он смотрел на людей ниже себя социальным положением или в чём-то уступающих ему, всё равно в чём. Меньше денег, слабее образование, хуже здоровье, всё, что угодно.

На меня же он смотрел не только уничижительно, давая понять, сколь ничтожна моя ценность в его глазах, ещё и с откровенной брезгливостью, которую в последнее время не считал нужным скрывать. Иногда хотелось вмазать ему со всей силы, забрать сына и уйти в туман, только куда бы я пошла?

Голой, босой, на мороз, с гордо задранным носом? Спасибо, там я уже была! Если представить, как я возвращаюсь в родные места, живу в доме барачного типа, хожу в туалет на улице, переступая через вечно пьяного соседа, я могла, то вообразить в таких условиях Мишу – нет, нет и нет.

– Пару минут могу, – огрызнулся Родя, сморщившись, словно проглотил слизняка живьём.

В это время выскочил Миша, опережая друзей по команде, так спешил к папе.

– Папа, папа! – довольно закричал сынишка. – Ты видел, как я играл?! Видел?!

– Видел, – ответил Родя, глядя сверху вниз на сына, засунув руки в карманы, словно боялся случайно прикоснуться и испачкаться.

– Тебе понравилось? – продолжал настаивать Миша, ему

очень-очень хотелось, чтобы его похвалили, заметили, признали.

– Понравилось, – кивнул Родя.

Посмотрел недовольно на меня, спрашивая взглядом, выполнил ли он родительский долг, может ли ехать по своим делам, невтерпёж уже. Драгоценная Виталиночка заждалась, пылает вся, горит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.